

Александра Шервинская

КАКТУС

для

ВАШЕЙ МЫШИ

Александра Шервинская

Кактус для вашей мыши

«Автор»

2023

Шервинская А.

Кактус для вашей мыши / А. Шервинская — «Автор», 2023

Все читали сказку о Золушке? Ну, конечно же, все... И втайне завидовали ей, да? И ведь никто даже не задумался, а надо ли было это всё самой Золушке? Этот принц, это королевство, эта тыква в конце концов... Вот и девушка Лера, которой выпало невиданное счастье получить предложение о престижной работе (даже двух), познакомиться с крутым мачо (даже двумя), задумалась: а оно ей надо? Может, скромнее нужно быть, тише и незаметнее, как и советует лучший друг (тоже интриган тот ещё!)? Но тогда не получится сказка, а на это Лера не согласна. Но сказка будет такой, какой придумает её она сама.

© Шервинская А., 2023

© Автор, 2023

Александра Шервинская

Кактус для вашей мыши

Глава 1

Белые хлопья снега за окном сливались в одно размытое светлое пятно, расплываясь и теряя чёткость очертаний, словно это уже не миллионы снежинок, а туманная серебристая пелена, скрывающая постепенно весь мир, всё законное пространство. А может быть, его просто там нет? Совершенно никого и ничего нет, а есть только белёсая размытая муть. Наверное, так было бы замечательно, потому что это означало бы, что не нужно выходить к людям, «держат лицо», разговаривать, совершать какие-то никому не нужные действия. Можно просто сидеть здесь, в маленьком тёплом кафе, слушать ненавязчивую музыку и никуда-никуда не уходить. Почему-то казалось, что стоит выйти на улицу, в эту белую круговерть, как тут же проблемы набросятся, как стая волков на неосторожно выскочившего на поляну зайца. Услужливое воображение тут же нарисовало картинку: по обеим сторонам от тяжёлой двери кафе сидят, прячась в снежной дымке, проблемы, напоминающие тех самых волков, и их там много, намного больше, чем может себе позволить маленький неосторожный заяц. А здесь тепло и безопасно, мирно и вкусно пахнет кофе. Может, попроситься к ним, в кафешку, жить? Зайцу много места не надо.

Господи, какой же бред лезет в голову... Волки, зайцы... Впору укладываться на диван и слушать сакраментальное: «Вы хотели бы об этом поговорить?» Нет, не хотела бы, просто так получилось, ничего страшного, бывает. Как там говорила героиня известного фильма? «В сорок лет жизнь только начинается»? Ну вот, в сорок, а мне всего тридцать один. Так что моя жизнь ещё вообще, можно сказать, в стадии подготовки, проекта. И всё ещё впереди: и хорошая работа, и достойная зарплата, и любовь... наверное... С другой стороны, а оно мне надо? Нет, работа и зарплата, это, конечно, важно и нужно, без этого сложно хотя бы как-то прилично существовать. А вот насчёт любви уже стоит подумать. Без неё однозначно спокойнее.

– Простите, мы через десять минут закрываемся, – рядом внезапно материализовалась девушка-официантка и с извиняющейся улыбкой развела руками.

– Да, конечно, спасибо, что напомнили, посчитайте, пожалуйста, – я дождалась счёта в аккуратной кожаной папочке, расплатилась и вышла в метельную улицу, мысленно поздравившись с проблемами-волками. Они невежливо промолчали, видимо, считая ниже своего достоинства разговаривать со мной. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Снег окончательно распоясался и то и дело швырял в лицо целые пригоршни колючих иголок, забирался под короткий пуховик, коварно скрывал скользкие участки дороги. Стараясь не поскользнуться на спрятавшихся ледяных участках тротуара, я шла в сторону метро, пытаюсь сообразить, что после сегодняшних эпохальных событий у меня имеется, так сказать, в сухом остатке.

Главное, у меня есть, где жить, с остальным разберусь: эту утешительную мысль я повторяла как мантру. Действительно, вот если бы я в одночасье осталась бы без жилья – вот это была бы катастрофа. Но – Бог миловал, вернее, не Бог, а папа, оставивший мне квартиру и заставивший составить брачный контракт. Десять лет назад это было редкостью, но папа был непреклонен. И только благодаря этому я сейчас не сижу посреди метели на чемоданах, а спокойно (буду делать вид, что это так) еду домой. В опустевшую, но только мою квартиру.

Итак, жильё есть. Работа... Тут значительно сложнее, так как до сегодняшнего утра я работала в фирме мужа, теперь уже, видимо, бывшего, так как сообщение, полученное утром, не оставляло простора для фантазии. «Я ухожу, жить с тобой больше не могу и не хочу. Заявление об уходе напишут за тебя, на работе можешь не появляться. За своими вещами пришлю водителя».

Вот так конкретно и без излишних эмоций. В этом весь Антон – зачем что-то объяснять или стараться относиться к окружающим по-человечески? Это, так сказать, лишние детали гардероба. Водитель действительно приехал, смущённо пряча взгляд, забрал из шкафов вещи и, извинившись за что-то, уехал. А я осталась. Побродила по квартире, каждую секунду натываясь взглядом на вещи, так или иначе связанные с мужем: вот чашка, которую я купила для него в Вене, вот наша фотография на столике возле компьютера, вот его зубная щётка в ванной, и даже полотенце всё ещё пахнет его туалетной водой... И ещё тысяча и одно напоминание о той жизни, когда рядом с ним еще не начала появляться молодая и красивая брюнетка, полностью соответствующая современным канонам: его новый PR-менеджер. Именно с того времени между нами сначала пробежал холодок, а потом возникла непреодолимая пропасть, которую я какое-то время героически пыталась преодолеть. Увы, в полном одиночестве, так как Антон с головой погрузился в новый роман, и на мои душевные терзания ему было абсолютно наплевать. Всё чаще совещания стали затягиваться, командировки участились, да и партнёры почему-то стали назначать встречи чуть ли не ежедневно, причём исключительно после окончания рабочего дня.

Стало ли утреннее сообщение неожиданностью? И да, и нет. Я подсознательно ждала чего-то такого, но... Всё равно было бесконечно больно, обидно, а ещё как-то... противно, что ли.

Утром, после бесплодных попыток понять, что мне делать дальше, я почувствовала, что больше не могу находиться дома, и позорно сбежала в центр, бездумно пробродила полдня по магазинам, даже не понимая, что делаю, а потом забрела в это симпатичное кафе, где и просидела до самого вечера, невежливо сбрасывая звонки друзей и знакомых.

И теперь я вернулась к одному из главных вопросов человечества: что делать? Понятно, что жизнь не закончилась и всё наладится. Наверное... Да, чуть позже придёт осознание того, что прежней жизни уже не будет от слова совсем, придёт боль от предательства человека, которого я когда-то давно, в прошлой жизни, любила до безумия, до головокружения и потери ориентации в пространстве. Но это будет потом. А сейчас... сейчас надо выжить. Перевернуть страницу и начать с чистого листа. Хотя сказать легко – попробуй-ка сделать.

Начать, наверное, стоит с поиска работы, хотя на карточке и остались ещё деньги, те самые, что были отложены «на всякий случай». Вот он и настал, этот самый «всякий случай». Опять же – не стоит испытывать иллюзий и надеяться, что за прошедшие несколько лет я не потеряла былой квалификации бухгалтера. Я ведь по сути дела не работала по специальности – больше была секретарём и администратором. А думать, что за последние шесть лет ничего нового не появилось, – ну-ну.... Наверняка изменилось всё: от программного обеспечения до нормативных документов. Следовательно, либо нужны курсы переподготовки, либо другая работа. И скорее – второй вариант. Ибо курсы ещё нужно закончить, это несколько месяцев, а кушать захочется уже завтра. Ладно, устройство новой жизни начну утром, а сегодня всё же позволю себе пострадать. Имею право....

Спускаясь на эскалаторе, я задумчиво смотрела на проплывающих навстречу людей и думала о том, как бы здорово было, если бы со мной случилось что-нибудь такое, что всегда происходит с героинями моих нежно любимых романов в жанре женского романтического фэнтези. Эти романы были в большом количестве загружены в электронную читалку и, несмотря на моё неизбежное скептическое хихиканье при очередном полностью предсказуемом повороте сюжета, служили своеобразной отдушиной и лекарством при приступах апатии или просто при плохом настроении. Вот как бы здорово было сейчас внезапно увидеть какой-нибудь портал или провалиться в параллельный мир, где меня уже ждал бы эльфийский принц, ректор Академии магии, дракон в человеческом облике, демон, симпатичный оборотень (нужное подчеркнуть). Он, естественно, сначала бы злился на меня за что-нибудь, но потом непременно разглядел бы мой богатый внутренний мир и полюбил бы на веки вечные. Ну и ещё,

разумеется, у меня обнаружились бы способности к магии или ведьмовские силы, ну, для полноты картины. И жили бы мы долго и счастливо...

Но плывущие навстречу к выходу из метро люди до обидного мало походили на принцев, демонов и ректоров каких-либо академий, даже самых заваливающих. Они или так же равнодушно скользили по мне взглядами, или вообще не поднимали глаз от дисплеев смартфонов. Да и сама я, будем честными, вряд ли заинтересовала бы представителя волшебного параллельного мира. Таких, как я, «на пяточок пучок в базарный день», как говорила моя бабушка.

Сидя в полупустом из-за позднего времени вагоне метро, я от нечего делать рассматривала едущих людей, в основном мужчин, и приходила к печальному выводу: если я планирую когда-то потом, может быть, налаживать личную жизнь, то потенциальную жертву искать следует точно не в общественном транспорте. И дело совершенно не в каком-то снобизме, мол, нормальные мужики на машинах и прочее. Было на лицах всех едущих мужчин почти одинаковое выражение раздражения, усталости и недовольства собой и окружающими. Нет, не хочу, и можете меня осуждать.

Когда я уже поднималась на эскалаторе к выходу, в кармане в очередной раз завибрировал телефон, и я, глянув на дисплей, обречённо вздохнула и ответила.

– Лерка? У тебя совесть есть, мать твою? Я тебе весь вечер дозваниваюсь. Что, так сложно ответить? И сразу говорю – я всё знаю. Подробности сейчас не нужны, просто ответь, ты в порядке? За тобой приехать?

– Не ори, без тебя плохо. В целом – в порядке. Макс, ты мне можешь конкретно сейчас чем-то помочь? Нет? Ну вот и всё. Дай мне пострадать в своё удовольствие, – я помимо воли улыбнулась, стараясь не показать голосом, что очень тронута. – Я устала, давай воспитательные беседы отложим на завтра, а? И ехать не надо, я через пятнадцать минут уже буду дома.

– Да уж ясен пень, что не сегодня, – Макс ещё немного попытлся сердитым ёжиком и уже совершенно нормальным деловым тоном поинтересовался. – Завтра у меня встреча с заказчиком в двенадцать, можем потом по кофейку. Ты как?

Я пожала плечами:

– Да не вопрос, я, как ты можешь догадаться, теперь совершенно свободная во всех отношениях женщина.

– Ну и слава всем богам, – он тяжело вздохнул, – потому что твой упырь был тебя совершенно недостоин. Мы тебя успокоим, перезагрузим, апгрейдим и замуж отдадим. За нормального, со всех сторон правильного чувака.

– Я тебя умоляю, вот только твоего нормального чувака мне для полного счастья сейчас и не хватает, – я мысленно представила того, кто может по представлению Макса назваться этим самым «нормальным чуваком» и вздрогнула. – Давай потом, ладно?

– Потом так потом, – с подозрительной лёгкостью согласился Макс и уточнил, – а завтра около часа жди меня в «Ferme» на Садовой. Договорились?

– Договорились, – я, приятно удивлённая тем, как быстро закончился разговор, попрощалась с приятелем и короткими перебежками, спасаясь от всё усиливающейся метели, поспешила к дому, благо от метро мне нужно было преодолеть каких-то метров триста.

Дома было тихо и темно, но почему-то это совершенно не напугало и не напрягло, скорее, вызвало чувство непонятного облегчения и успокоения. И избитая народная мудрость формата «что Бог ни делает, всё к лучшему» не казалась совсем уж банальной. А может быть, действительно нужно перелистнуть, перевернуть страницу и начать сначала? Ведь не просто так об этом столько говорят? Возможно, жизнь действительно может начаться заново? Что изменится в моей жизни с уходом Антона?

Да, станет хуже с деньгами, так как при всех своих недостатках, жадным или скупым муж не был. Деньги у меня были всегда, не на уровне олигархов, естественно, но на путешествия, хорошие кафе и вещи достойного качества хватало без проблем, тем более что я не любитель-

ница клубов, вечеринок и прочего божемного образа жизни. Поэтому того, что отложено на «чёрный день», на первое время однозначно хватит.

Работа... Да, с этим несколько сложнее. Но в то же время, я ведь не любила то, чем занималась в фирме Антона. В своё время муж сумел убедить меня, что работа бухгалтера – это для меня слишком мелко, скучно, и гораздо полезнее будет, если я возьму на себя различные организационные вопросы. Я тогда была влюблена, слепа, глуха и потому на всё согласна. И что в итоге? Рутинка, почти «день сурка», особенно в последнее время: согласовать встречи, помочь в составлении и проверке ряда документов, пообедать с мужем, иногда вечером в спортзал, домой, телевизор или компьютер, и спать. Так что рыдать по оставленному кабинету и круговороту обыденных дел в отдельно взятой компании я точно не стану. Ну не моё это было, вот ни разу не моё.

Семья... А можно ли назвать нашу совместную жизнь в последние пару лет семейной? С большой натяжкой. Каждый жил своей жизнью, кое-как склеенной в подобие совместной. Немного общих деловых интересов, так же немного общих друзей. Как-то постепенно у Антона образовался свой круг общения, в который меня не слишком звали, а у меня – свой. Мы даже спали последнее время в разных комнатах, так как то он возвращался под утро, то я уставала или сердилась.

Возникает вопрос: так что же изменится в моей жизни в худшую сторону с уходом Антона? И напрашивается логичный ответ: ничего не изменится, во всяком случае, хуже мне не станет, это точно. С деньгами и работой разберусь, не боги горшки обжигают. С этой обнадеживающей мыслью я и уснула. И снились мне, как ни странно, не волки с зайцами, и не (слава Богу) муж, а какие-то цветные завихрения и неясные голоса.

Небольшая, но уютная кондитерская «Fertma» встретила меня ароматами кофе и какой-то несомненно вкусной выпечки. Поискав глазами Макса, я заметила его за угловым столиком: приятель с кем-то разговаривал по телефону, недовольно морщась. Он заметил меня и радостно замахал рукой, мол, я здесь. Пока я пробиралась между достаточно тесно стоящими столиками, он завершил разговор, и по его хищно прищуренным глазам я поняла, что кого-то ждёт допрос с пристрастием. Клонув меня в щёку приветственным поцелуем, он так пристально стал рассматривать моё лицо, словно за ночь у меня мог появиться третий глаз или измениться форма носа.

– Ничего так, нормально, – наконец вынес он вердикт, – я думал, хуже будет. Надеюсь, ты не переживаешь? Тут не плакать надо, а шампанское пить. Наконец-то ты от этого... – тут Макс запнулся в поисках подходящего слова, даже пальцами прищёлкнул, но не нашёл и махнул рукой, – в общем, от этого избавилась.

– Макс, не переживай, я в полном порядке, – я улыбнулась ему и с удивлением поняла, что, пожалуй, действительно чувствую себя более чем прилично. – Жизнь не заканчивается, а только начинается.

– Золотые слова! – довольно ухмыльнулся Макс. – Но замуж мы тебя выдадим.

– Хорошо, хорошо, только можно не прямо сейчас? Мне ещё развестись нужно будет, между прочим. Так что можно мне тайм-аут?

– Ладно, уговорила. Но я же корыстный и циничный негодяй, – с этими словами Макс скорчил зверскую физиономию, – поэтому мне нужна твоя помощь.

– Какая? – я с удивлением посмотрела на него, плохо понимая, какую помощь могу оказать этому прохиндею. – Я, знаешь ли, ни в акциях, ни в биржевых процессах, ни медицинском оборудовании не разбираюсь от слова вообще.

– И не надо в них разбираться!

– А что надо? – хитрая физиономия Макса наводила на самые нерадостные и чрезвычайно подозрительные мысли.

– Сопровождать меня на презентацию нового оборудования для стоматологических клиник, – Макс небрежно махнул рукой, мол, фигня такая, даже говорить неловко. – Посидишь со мной, умные слова слушаешь, поулыбаешься, потом шампанского выпьешь, с интересными людьми познакомишься. Тебе же несложно?

– Не вопрос, конечно. А в этих твоих умных словах я что-нибудь пойму кроме предлогов и союзов?

– А зачем? – искренне удивился Макс. – Тебе же эту технику не покупать. А умное лицо делать ты умеешь, я видел. И потом, там будет сам Беляев!

– А кто это? – я действительно плохо ориентировалась в медицинском сообществе города, так, на уровне новостей. – Я должна его знать?

– Лер, вот тебе сейчас совсем не стыдно? – Макс смотрел на меня с таким искренним укором, что мне даже стало немного неловко от того, что я не знаю этого самого, видимо, всем нормальным людям известного Беляева. – Ну подумай. Беляев.

– И что? Кто он? – я судорожно стала перебирать всех более или менее известных деятелей нашего города. – Ну не знаю я его, дальше что? Думаю, ему от этого не жарко и не холодно. Как и мне, кстати.

– Деревня... – протянул Макс и осуждающе покачал головой. – Дмитрий Васильевич Беляев.

– И что дальше-то? Он кто? Владелец заводов, газет, пароходов?

– Лучше, Лерунчик, намного лучше, – Макс наклонился ко мне и голосом опытного заговорщика прошептал, – он владелец сети «Лайт-Мед». Знакомое название?

Я удивлённо хмыкнула и уточнила:

– Той самой? У которой годовой оборот больше, чем бюджет небольшого африканского государства?

Макс кивнул и довольно уточнил:

– Поэтому я и сказал, что «тот самый Беляев». Знаешь, люди его уровня обычно на такие мероприятия не очень охотно ходят, но тут, насколько я понимаю, вопрос в приобретении оборудования для клиники, которая принадлежит его жене. Ну, типа стремление слегка надавить авторитетом, может, цену сбить, может, просто она попросила. А может, он в губернаторы собирается, откуда я знаю. Или в президенты. Вот и выйдет пообщаться с народом. Я, если честно, не вникал. Так что ты и мне доброе дело сделаешь, и на живого Беляева полюбишься. Ну так как? Пропуск заказываю?

– Заказывай, – я кивнула, пытаюсь поймать за хвост ускользающую мысль, но она уже испарилась, – и, слушай, Макс, ты можешь мне помочь с работой? Мне же теперь надо как-то жить, понимаешь? А покупать газету с объявлениями или лопатить сайты с вакансиями я не готова, если откровенно.

– А что ты хотела бы? – Макс заинтересованно повернулся ко мне. – Если вам нужны полезные знакомства, их есть у меня. По специальности?

– Нет, наверное.... нет. Скорее, что-нибудь из области управления несложного или администраторское. Как ты думаешь, это реально?

– Конечно, – друг активно закивал лохматой головой. – Сегодня сделаю несколько звонков и тебя вечером наберу. Хорошо?

– Спасибо, – я тепло улыбнулась Макс, – И что бы я без тебя делала?

– Как что? Пропала бы, – Макс махнул рукой, подзывая официанта. – Ладно, я побежал, а ты жди моего звонка и рассчитывай на пятничный сейшн. Форма одежды умеренно демократичная.

Оставшись в гордом одиночестве, я достала телефон и быстро набрала в поиске: Дмитрий Беляев. Нужно же как-то ликвидировать пробелы в образовании. Яндекс, подумав, выдал массу информации, но я открыла раздел с картинками. Дмитриев Беляевых было много, и

мне пришлось уточнить, добавив в поиск «Лайт-Мед». Картинок стало значительно меньше, и большинство из них было посвящено мужчине лет сорока с хвостиком, который дежурно улыбался в камеру, демонстрируя безупречную белоснежную улыбку. На некоторых фото он был вместе с ослепительной блондинкой неопределённого возраста с кукольным лицом и холодными глазами акулы-людоеда. Пролистав несколько материалов, посвящённых самому Беляеву, его супруге и его бизнесу, я вышла из сети, допила кофе и решительно открыла список контактов.

– Арина, здравствуйте, это Валерия, – я, услышав голос своего мастера, улыбнулась, – а у вас случайно на завтра нет свободного местечка? Я бы хотела записаться.

Выяснив, что место есть, я договорилась насчёт посещения и с сознанием выполненного долга отправилась подбирать что-нибудь подходящее под критерий «умеренно демократичное».

Глава 2

Макс, будучи человеком обязательным, несмотря на природное разгильдяйство, отзвонился тем же вечером. Сообщил, что расскажет мне всё при встрече, но оснований для беспокойства нет – безработной меня однозначно не оставят. Но конкретно сейчас приятеля гораздо больше волновал мой предстоящий «выход в свет». Купленное мной платье, скромное, но стильное, он после долгого критического изучения фотографий всё-таки одобрил, велел потренироваться перед зеркалом делать умное лицо и, издав мефистофельский смешок, отключился.

На следующий день я ждала его при полном параде и чувствовала себя, скажем так, странно: мне совершенно не хотелось никуда идти – это во-первых, я не привыкла ходить на подобные мероприятия без мужа – это во-вторых.

Макс подъехал вовремя, в очередной раз приятно удивив меня несвойственной ему пунктуальностью, и уже через полчаса я обзирала достаточно большой зал, как ни странно, достаточно плотно заполненный народом. Интересно, это у нас в городе такая массовая тяга к стоматологическому оборудованию или всем интересно посмотреть на живого господина Беляева, который Дмитрий Васильевич.

Макс, подхватив меня под руку, плавно перемещался по залу, знакомя с какими-то людьми, улыбаясь направо и налево и, наверное, намотал бы ещё кругов двадцать, если бы по залу лесным ветром не пронёсся невнятный шум, и все повернулись к дверям, стараясь делать это не слишком демонстративно. Я тоже расположилась возле широкой колонны, стараясь лишний раз не попадаться на глаза, ведь, в общем-то, я на этом празднике жизни человек абсолютно посторонний, у меня даже профессионального интереса нет.

Тем временем толпа раздвинулась в стороны, как льды перед носом атомного ледокола «Ленин», и по освободившемуся проходу прошествовал, другого слова у меня не было, именно прошествовал господин Беляев собственной персоной. Почему-то он был без супруги, но и его одного вполне хватало: такой давящей ауры я давно не видела, не ощущала. Беляев подавлял, перемалывал в муку где-то на ментальном уровне. Он внимательно слушал молодого человека, держащего в руках что-то типа планшета и иногда так бурно жестикулировавшего, что я стала опасаться за целостность наверняка ценного гаджета.

Беляев не смотрел по сторонам, наверное, мы все были для него настолько незначительны, что не стоили даже минуты царского внимания. Я поморщилась: терпеть таких снобов не могу. Но вряд ли, даже если бы господин Беляев чудом об этом и узнал бы, он стал бы хуже спать по ночам. Богатое воображение тут же нарисовало очередную картинку: Беляев в домашнем халате мечется по комнате, заламывая руки и умоляя неприступную меня изменить своё мнение.

Между тем народ сконцентрировался вокруг расставленных в несколько рядов полукругом удобных стульев, постепенно расселся и приготовился слушать представителя компании,

презентующего выставленное зубо врачебное оборудование. Слайды презентации мелькали, люди тихонько переговаривались, шушукались, посмеивались, как это обычно и бывает на таких тусовках. Я тоже негромко переговаривалась с Максом, пока вдруг не заметила, что вокруг стало как-то подозрительно тихо. Оглянувшись, увидела господина Беляева, обозревающего внезапно ставшую очень внимательной аудиторию. Он помолчал, кивнул каким-то своим мыслям и начал говорить о ценностях плодотворного сотрудничества, перспективах развития и прочих не менее важных и скучных вещах. Я даже не пыталась вникать, пока слух не резануло слово «пятиста»: я сделала стойку, потому что почему-то очень болезненно отношусь к грамматическим ошибкам выступающих, особенно если они вещают с высоких трибун. Прислушалась, внимательно глядя на надежду и опору нашей региональной экономики, и поняла, что не ошиблась. Беляев ещё несколько раз произнёс «более пятиста миллионов», потом «около трёхста тысяч пациентов». Болезненно скривилась, услышав очередное неправильно произнесённое числительное, и вдруг почувствовала чей-то давящий взгляд. Поозиравшись, с ужасом поняла, что прожигает меня недовольным взглядом не кто иной, как «тот самый Беляев». Нервно икнула и сделала вид, что мне очень, просто очень-очень интересно то, что он говорит, можно сказать, изобразила полное и безоговорочное внимание и почтение. И даже на фразе «к двух тысяча двадцать второму году» постаралась не застонать, а лишь покрепче стиснула зубы (если что, тут же и вылечат, вон, полно стоматологов кругом). На оратора старалась больше не смотреть, но ещё несколько раз почувствовала скользнувший тяжёлый взгляд. Макс, естественно, ничего не сказала, чтобы лишний раз не нервировать.

К счастью, говорил Беляев не очень долго и, пожелав всем успехов в нелёгком стоматологическом бизнесе, покинул место выступающего. Хотела бы сказать «и растворился в толпе», но такие, как он, никогда и нигде не растворяются. К сожалению, наверное. Народ откровенно оживился и, поднявшись, перебазировался поближе к столикам с шампанским, неизбежным на подобной презентации. Я задумчиво вертела в руках бокал, размышляя, как бы теперь потихоньку исчезнуть, так как свой товарищеский долг я выполнила и смысла оставаться здесь больше нет. Нужно было только предупредить Макса, и можно заказывать такси.

– И что же вам настолько не понравилось в моём выступлении? – так внезапно раздалось рядом, что я от неожиданности поперхнулась шампанским и закашлялась. – На вас было просто больно смотреть.

В низком и, увы, уже узнаваемом голосе было столько иронии и совершенно не скрываемого превосходства, что неудержимо тянуло съязвить в ответ, но я сдержалась и, поморщившись, проворчала:

– Блин, подкрадываться-то зачем? – и, уже повернувшись, вежливо проговорила, почтительно глядя на сами-знаете-кого. – Извините, пожалуйста, я не слышала, как вы подошли. Чрезвычайно польщена вашим вниманием, господин Беляев.

– Вы меня знаете? – Беляев слегка приподнял левую бровь. – Не припоминаю, чтобы мы были представлены.

– Неужели вы думаете, что для того, чтобы вас узнать, нужно быть вам представленной? – я искренне удивилась. – Вы персона медийная, можно сказать, вишенка на торте в сегодняшнем мероприятии.

– Вишенка? – он устало потёр переносицу. – Вот вишенкой меня ещё не называли. Но мне, пожалуй, нравится.

Народ, отхлынувший, оказывается, при явлении «того самого Беляева» простым смертным, снова стал потихоньку кучковаться поблизости. Рядом нарисовался Макс, начавший очень аккуратно оттирать меня в сторону, подальше от высокого гостя.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – голос Беляева легко перекрыл начавшийся гул. – Почему вы так презрительно морщились во время моего выступления?

Вот прицепился. И что ему сказать – правду, что ли? Так я тогда вообще ни на какую работу в нашем городе не устроюсь, да и в других мегаполисах, боюсь, тоже. А ехать в глубинку, как народники в позапрошлом веке, как-то не тянуло. Я комфорт люблю, горячую воду, удобства не во дворе и дороги с асфальтом. Я не готова. Но, как говорится, пауза стала слишком затягиваться. Я глубоко вздохнула и ляпнула:

– Я скажу вам, если только вы пообещаете, что мне за это ничего не будет.

– Знаете, – Беляев задумчиво рассматривал меня, как интересную зверушку: с любопытством и лёгкой настороженностью, – когда вы так сказали, у меня возникло ощущение, что я руки о скатерть вытираю или даже сморкаюсь в занавеску. А потом ссылаю в Сибирь всех, кто этим недоволен.

– Хуже, – я уже не знала, как мне выпутаться из этого разговора, с каждой фразой становившегося всё более странным. Хоть бы Макс вмешался и спас меня. Почему вот когда он действительно нужен, он молчит?

– Даже так? – Беляев сложил руки на груди и начал покачиваться с пятки на носок. – Это уже не просто интересно, это интригует, не находите?

Народ, собравшийся вокруг и старательно делающий вид, что происходящее никого не интересует и никто даже и не думает прислушиваться, замер в ожидании. Да уж, умею я оставаться незаметной, ничего не скажешь.

– А давайте отойдём в сторонку, и вы мне тихонько скажете, что такого ужасного я совершил, – вдруг неожиданно предложил Беляев и, подхватив меня под локоть, повёл в сторону окна. – Зато никто не услышит, и моя репутация не пострадает. Итак, я весь внимание.

– А мне точно ничего не будет? – въедливо уточнила я, понимая, что терять мне уже нечего.

– Точно. Потому что вам удалось то, на что уже давно никто, увы, не отваживается.

– Нахамить вам?

– Удивить меня, – вблизи он не казался таким уж «великим и ужасным», но обольщаться однозначно не стоило. – Итак?

– Вы неправильно склоняете числительные, – любезно сообщила я и подавила иррациональное желание втянуть голову в плечи.

– Я – что?! – в его голосе было столько искреннего изумления, что я рискнула поднять голову и увидела на его лице потрясающую смесь возмущения и какого-то весёлого удивления. – Простите, я что делаю?

– Вы неправильно склоняете числительные, – упрямо повторила я и сделала вид, кто не слышу, как где-то сзади возмущённо ахнул и прошипел что-то явно неодобрительное Макс. – Это... это непозволительно для человека... вашего уровня. Вот. И вы обещали, что мне ничего не будет.

Беляев наконец-то перестал меня рассматривать, огляделся и поманил кого-то рукой.

– Максим, здравствуйте, – он поздоровался с подошедшим Максом, который практически прибил меня взглядом и уже даже закопал в саду под яблоней. – Я заметил, что эта девушка сидела рядом с вами. Вы пришли вместе?

На секунду мелькнула мысль, что сейчас Макс отмажется и скажет, что видит меня впервые в жизни, но друг оказался парнем стойким и мужественно кивнул.

– Тогда, может быть, вы нас представите? – Беляев откровенно наслаждался ситуацией: моей растерянностью, удивлением Макса, напряжённым вниманием всех окружающих.

– Эээ... Конечно, – Макс быстро взял себя в руки и, указав на меня, произнёс. – Валерия Одинцова. – Потом, так же указав на сами-знаете-кого, добавил. – Дмитрий Васильевич Беляев.

– Очень приятно, – Беляев протянул мне руку, и моя ладошка утонула в его на удивление большой руке.

– А уж мне-то как приятно, Дмитрий Васильевич, – я натянута улыбнулась, пытаюсь осознать происходящее.

– Несмотря на числительные? – тут я поняла, что мой мир уже никогда не будет прежним, потому что Беляев мне... подмигнул. – И, пожалуйста, Валерия, в неформальной обстановке – Дмитрий. Просто Дмитрий.

Ну да, «царь, просто царь». Рядом кто-то икнул, и, кажется, это был Макс. При этом Беляев почему-то продолжал держать меня за руку, пока я осторожно не высвободила несчастную конечность.

– И чем вы занимаетесь, Валерия? Посмею предположить, что вы филолог? Или журналист? Хотя, если бы вы были журналистом, я бы знал.

– Вы знаете всех журналистов? – я чувствовала себя крайне неловко, так как пристальное внимание окружающих начинало откровенно нервировать, как и сам Беляев, который «просто Дмитрий»... У него что, дел важных нет, что ли, я не понимаю.

– Не всех, конечно, все мне без надобности, но вас определённо запомнил бы. И не игнорируйте мой вопрос, пожалуйста, Валерия.

– Прошу вас, в неформальной обстановке – Лера. Просто Лера, – я понимала, что откровенно нарываюсь, но остановиться уже не могла.

– Лера...Лера... – он повторил моё имя, словно перекатывая его на языке. – Хорошо, таинственная Валерия. Раз вы так упорно не хотите раскрывать своё инкогнито, я не настаиваю.

И добавил, наклонившись ко мне неприлично близко:

– «Лера» я приберегу для... неформального общения. Вы же должны объяснить мне ... правила склонения числительных. Поэтому я прощаюсь, но надеюсь на новую встречу, столь же незабываемую.

С этими словами он коротко кивнул Максу и, сграбастав снова мою многострадальную руку, прикоснулся к ней мимолётным поцелуем. Затем попрощался с народом и удалился, сопровождаемый всё тем же юношей с планшетом, а я осталась стоять в полной прострации, беспомощно глядя на Макса. Не успела я открыть рот для покаянной речи, как в зал вернулся беляевский сопровождающий и, найдя меня глазами, бодро потрусил в мою сторону. Со словами «Дмитрий Васильевич просил вам передать» он протянул мне небольшой картонный прямоугольник, который я взяла осторожно, словно ядовитую змею. На визитке не было ни фамилии, ни имени, а только номер телефона, мол, тот, у кого такая визитка есть, прекрасно знает, чья она.

Макс поперхнулся заготовленной гневной фразой и тоже уставился на кусочек бумаги.

– Ну, мать, ты даёшь, – выдал он через несколько секунд. – Ты понимаешь, что держишь в руках?

Я молча помотала головой, отказываясь воспринимать окружающую действительность адекватно.

– Это, моя непредсказуемая подруга, твой пропуск на следующий уровень игры. Личный номер Беляева известен очень узкому кругу приближённых к нему людей, для остальных есть другие номера, а в основном всё общение ведётся через секретаря или личного помощника. Это ... ну, примерно, как получить во временное пользование золотую рыбку, и я очень надеюсь, что ты от этого фееричного знакомства сумеешь получить максимум пользы. Ну, Лерка, ну ты выдала, – он покосился на меня с каким-то непонятным выражением лица.

– А может, это не оно? В смысле, не его личный номер, а? – я с надеждой посмотрела на Макса, но тот отрицательно покачал головой. – Ты-то откуда знаешь? Ты специалист по беляевским номерам телефонов?

– Да, я в своё время за этот номер много бы отдал, – Макс снова неверяще посмотрел на злополучную визитку. – А тебе вот так ... просто. Даже как-то обидно...

– Максик, зайка, а давай ты больше меня никуда и никогда брать не будешь, а? – я посмотрела на друга глазками кота из «Шрека». – И будем мы жить тихо, мирно и спокойно. Я ведь маленькая и скромная, тихая и незаметная.

– Это ты тихая и незаметная? – Макс аж подавился заготовленными словами. – Да ты ходячая катастрофа. Ну чего ты полезла со своими комментариями? Ну склоняет он эти твои числительные неправильно, да и хрен-то с ними, кому от этого плохо? Лер, ну вот чего тебе на попе ровно не сиделось, а? Переживай теперь за тебя...

– Почему за меня надо теперь переживать? – напряглась я. – Мы ведь вроде мирно расстались, он не в претензиях. А что, у меня могут быть проблемы, да? Он злопамятный? Ой, неет...

Макс подхватил меня под локоть и развернул к уже начинающей потихоньку расходиться публике.

– Посмотри на этих людей. Сколько их? Так вот, личный номер Беляева есть из присутствующих человек у пяти, примерно столько же могут называть его просто по имени. Смекаешь? Но, Лер, где они, а где, уж прости меня, ты?

– Но почему? Я же ничего такого не сделала. Чего он прицепился? – я чувствовала, как медленно, но верно впадаю в состояние тихой паники. – Я ведь не могла ему просто понравиться, верно? У него очередь из фотомоделей всяких небось.

– Я тебя умоляю! «Не был, не был, не был, не был, даже рядом не стоял!» Беляев у нас уникален: ни разу не был замечен ни с одной девицей не то что лёгкого, но даже слегка облегчённого поведения, представляешь? Шифруется он профессионально.

– А может, он из... этих? – я перешла на еле слышный шёпот, а то, не дай Бог, услышат, и неожиданно для самой себя заметила. – Хотя было бы обидно. Мужик он интересный. Не Брэд Питт, конечно, и не Даниил Страх, но очень и очень... харизматичный.

– Так, – Макс резко посерьёзней. – Лера, я тебя умоляю: никаких увлечений людьми типа Беляева. От слов никогда и ни за что. Договорились?!

– Да я и не собиралась, чего ты суетишься. Он и не вспомнит обо мне, так что не вижу повода для беспокойства. И вообще, давай пойдём уже, смотри, народ активно расходится.

Мы с Максом уже садились в такси, когда в моём кармане завибрировал телефон, и я чуть не уронила его, увидев короткое сообщение: «Красивое имя – Лера». Номер отправителя был мне неизвестен, и я дрожащей рукой полезла в сумочку за злополучной визиткой. Вытащила. Сравнила. Выругалась.

– И что мне с этим делать? – я посмотрела на друга в надежде, что он сейчас быстро и незатейливо решит все проблемы и ответит на все вопросы.

– Откуда я знаю? Я тебе что – Гугл? Ну, напиши что-нибудь. Или лучше ничего не пиши. – Макс откровенно нервничал. – Или напиши, что Дмитрий – тоже красивое имя. Не знаю, Лера.

– Я напишу... – я не успела договорить, как Макс схватил меня за руку и, безумно поблёскивая очками, прошептал. – А давай мы тебя за Беляева замуж отдадим, а? Он явно в тебе что-то такое разглядел.

– Макс, ты больной? – я выдернула у этого маньяка руку (и чего за неё все, кому не лень, сегодня хватаются). – Начнём с того, что твой Беляев женат, на минуточку так. К тому же ты обещал отдать меня замуж за нормального чувака, а он, как мне кажется, не очень вписывается в этот образ. Так что забудь.

– Какая ты скучная, – Макс недовольно нахмурился. – Такую идею не оценила. А было бы прикольно...

– Кому? Кому было бы прикольно? Мне?! Сомневаюсь... Про Беляева вообще молчу, он твою идею точно не оценил бы. А про его супругу я даже заикаться не буду. Ты её видел? Бар-

ракуда... Сожрёт и даже не заметит. Так что, дорогой, давай кандидата в мои потенциальные мужья поищем в другой песочнице.

Макс довёз меня до дома, по-джентльменски отказался от чашки кофе, и я наконец-то осталась одна

Облегчённо вздохнула и с удивлением поняла, что совершенно не страдаю от отсутствия Антона, а ведь совсем недавно перспектива оказаться одной казалась мне пугающей. Теперь же я с наслаждением сбросила туфли на высоком каблуке и босиком прошлёпала на кухню. Достала банку с молотым кофе, старенькую турку, которую терпеть не мог мой муж, считавший, что такому старью место если не на помойке, то где-нибудь на верхней полке, насыпала кофе, залила водой и поставила на маленький огонь. Подумала и полезла в шкаф в надежде, что там завалялась какая-нибудь печенюшка. Увы, печенек не оказалось, зато в холодильнике нашёлся сыр, что немного примирило меня с действительностью. Но стоило мне налить в чашку кофе и примериться к аппетитному кусочку сыра, как раздался телефонный звонок. Не обратив внимания на цифры, поняв только, что номер не из списка контактов, я ответила:

– Да, слушаю вас...

– Лера, ещё раз здравствуйте, это... Дмитрий, – я отодвинула трубку от уха и внимательно посмотрела на неё, подозревая в неведомых мне до сих пор мистических талантах, ибо низкий голос Беляева ну вот никак не мог раздаться в моём телефоне.

– Ээээ... Здравствуйтесь, Дмитрий Васильевич, – пролепетала я, пытаюсь понять, что вообще происходит. – А откуда у вас мой номер?

– Поверьте, это было совсем не сложно, всё же вы не секретный агент, – в голосе Беляева слышалась откровенная ирония. – И потом, пожалуйста, просто Дмитрий, ведь наше общение сейчас вполне можно назвать неформальным, как вы считаете, Лера?

– Можно, да, конечно, – я по-прежнему тормозила, даже не представляя, как реагировать на подобный звонок. – Вы всё-таки решили сослать меня в Сибирь за наглость?

– Неужели я похож на такого злодея, который может отправить в ссылку красивую женщину?

С трудом поборов желание ответить утвердительно, я постаралась добавить в голос жизнерадостности:

– Ну что вы, совершенно непохожи!

– Звучит неубедительно, но сделаем вид, что я поверил, – хмыкнул Беляев. – Но я звоню вот с каким вопросом...

– С каким? – прервала я повисшую паузу.

– Если «пятиста» неправильно, то как правильно-то?

– Правильно «пятисот». Но... Вы действительно звоните мне, чтобы это узнать?! Не иначе мир сошёл с ума...

– Почему? – в голосе Беляева послышался искренний интерес. – Что такого экстраординарного произошло?

– А вы не понимаете?

– Нет, объясните мне... Лера...

– Вы звоните мне, чтобы узнать правильную форму слова. Вы. Мне. Вас ничего не смущает?

– Меня – нет. А вас?

– А меня смущает абсолютно всё, – почему-то по телефону разговаривать оказалось гораздо проще, чем глаза в глаза. – Кто вы, и кто я.

– А кто я, по-вашему? – Беляев, по непонятной пока причине, продолжал разговор как ни в чём не бывало. – Мне очень интересно ваше мнение.

– Вам правду? – в конце концов, что мне терять, кроме запасных цепей, хотя это я, конечно, погорячилась: терять всегда есть что.

– Разумеется, неправду я и в интернете почитаю.

– Вы крупный бизнесмен, человек серьёзный, деловой, – тут я помолчала и как с крыши прыгнула. – Помимо этого вы красивый мужчина с невероятной харизмой, как мне кажется, избалованный женским вниманием и потому циничный и жестокий в чём-то. Простите, если обидела, но вы сами запросились.

Беляев молчал, и я всерьёз начала опасаться, что в этот раз однозначно вляпалась со своим неумением вовремя прикусить язык.

– Ну что? Сибирь, да? – через несколько секунд, показавшихся вечностью, проговорила я и вздохнула. – А там ведь ещё холоднее, чем здесь. А я так холод не люблю....

– Вы меня таким видите? – таки соизволил ответить Беляев. – Несомненно, отчасти вы правы, но лишь отчасти. И мне хотелось бы, чтобы вы убедились, что не совсем объективны, Лера.

– Не надо, – тут же открестилась я от такой сомнительной перспективы, – я вам на слово верю.

– А что вы делали, когда я позвонил? – вдруг спросил Беляев, и я зависла, не успевая следить за прихотливыми скачками его логики. – Мне просто интересно.

– Собиралась пить кофе, – честно сообщила я, – хотела с печеньками, но они кончились. Пришлось с сыром. Но он уже остыл, пока я с вами разговариваю. Кофе остыл, не сыр.

– То есть из-за меня вы остались без кофе? Это неправильно, – Беляев помолчал и бодро сообщил, – Тогда я просто обязан искупить свою вину. Поэтому я приглашаю вас завтра на чашку кофе. Отказ не принимается. Вы в первой половине дня свободны?

– Кажется, да, – я настолько растерялась, что даже соврать не сообразила.

– Тогда утром я вам позвоню, и мы договоримся о встрече за чашкой кофе.

– Хорошо, – только и смогла проговорить обалдевшая я.

– В таком случае, до завтра, ... Лера, – мурлыкнул в трубку Беляев.

– До завтра, – ошарашенно ответила я и добавила, уже услышав в трубке гудки, – Дмитрий....

Неожиданная трель домофона раздалась именно в тот момент, когда я, сварив новую порцию кофе, переливала её в чашку и собиралась сделать первый глоток, который, как известно, самый вкусный. А после такого, мягко говоря, неоднозначного дня – так вообще. Отпрыгнув от стола, на котором теперь, исходя вкусным паром, разливалось ароматное кофейное озеро, я зашипела от злости и, подойдя к двери, рывкнула в трубку:

– Ну кто там ещё?

– Доставка, – неуверенно произнес молодой мужской голос. – Для Валерии Одинцовой...

– Доставка...чего? – я судорожно пыталась вспомнить, не заказала ли в помрачении сознания какой-нибудь еды, но память однозначно говорила «нет».

– Кофе, – уже чуть смелее сообщил домофон. – Откройте, пожалуйста, а то очень холодно и руки мёрзнут.

Я, не поверив ни единому слову, обречённо нажала кнопку, а воображение услужливо нарисовало врывающихся в дом полицейских или вообще людей в штатском, которые, недолго думая, арестовывают меня и отправляют на исправительные работы. Чтоб неповадно, так сказать, было серьёзным людям на промахи указывать. Нашлась, блин, грамотная самая....Раздался звук открывающегося лифта, и затем в дверь позвонили. Но на пороге вместо придуманных мной злодеев обнаружился совершенно замёрзший молодой человек лет восемнадцати в обнимку со здоровенной коробкой.

– Распишитесь, пожалуйста, – он протянул мне бланк, и я, с трудом пристроив коробку на вешалке, чиркнула где-то внизу.

– А что там? – спросила я парнишку. – Ведь не может же быть полная коробка кофе, правда?

– Не знаю, я только курьер, но пахнет офигенно, – он подмигнул мне и, попрощавшись, бегом поскакал вниз по лестнице.

Осторожно внеся на кухню коробку, оказавшуюся действительно довольно увесистой, я села на край кухонного диванчика и задумалась. Судя по тому, что коробку украшал логотип самой модной последние пару лет кондитерской, кто-то, не будем показывать на него пальцем, решил, что можно не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Отбросив дурацкую мысль о том, что в коробке может оказаться что-то опасное, я аккуратно развязала ленточку и сняла крышку. Сверху на папиросной бумаге лежала карточка с надписью, сделанной размашистым уверенным почерком: «Красивые девушки не должны оставаться без печенек». А под бумагой... Ну, что я могу сказать.... У господина Беляева оказалось весьма специфическое понимание того, что значит «печенька».

Глава 3

Вчерашняя метель стихла, оставив на память о себе шапки снега на крышах припаркованных машин и огромные сугробы, которые безуспешно пытался раскидать по сторонам отчаянно матерящийся дворник в меховых рукавицах и ярко-оранжевой жилетке. Где-то за пределами двора громыхала и завывала снегоуборочная техника, но меня всё это совершенно не беспокоило, так как под тёплым одеялком, в которое я закуталась, было уютно и сонно. Именно так нужно проводить морозное зимнее утро, если тебе, конечно, не нужно вставать и бежать на работу. Мне торопиться было абсолютно некуда, и поэтому я решила по полной использовать возможность предаться сладостному безделью. И так мне было хорошо! Ровно до того момента, как лежащий на тумбочке телефон не издал противное жужжание. Был, конечно, соблазн не брать трубку, а забраться в тёплые объятия одеялка и зависнуть там еще на часик. Но мысль о том, что это может быть Макс с сообщением о всё же необходимой мне работе заставила протянуть руку, взять телефон и посмотреть на дисплей. Номер был незнакомый, а я с некоторых, совсем недавних пор, со вчерашнего дня практически, с огромным недоверием стала относиться к неизвестным комбинациям цифр на дисплее.

Тем временем телефон перестал вздрагивать, но, не успела я облегчённо перевести дух, как булькнула смс-ка.

«Валерия Андреевна, возьмите, пожалуйста, трубку. Благодарю Вас. Анатолий»

Как говорится, без комментариев. И всего несколько маленьких вопросов. Во-первых, кто такой Анатолий? Даже несмотря на абсолютно сюрреалистичное завершение вчерашнего дня, я могла точно сказать, что никакого Анатолия, у которого мог бы оказаться мой номер телефона, вчера не было. У меня, конечно, бывают проблемы с памятью, но не настолько же. Во-вторых, что этому загадочному Анатолию может быть от меня нужно в половине десятого утра? Единственный вариант, который хоть как-то укладывался в логические рамки, это то, что Макс нашёл мне работу и дал потенциальному работодателю мой номер. Но это не очень похоже на Макса, который всегда с достаточным уважением относился к личному пространству других людей. А может быть... Додумать мне не дал вновь оживившийся телефон. Осторожно, словно опасаясь, что оттуда выпрыгнет неведомый Анатолий, я взяла трубку.

– Слушаю вас... – очень хотелось верить, что мой голос прозвучал не так жалобно, как мне показалось.

– Валерия Андреевна? Доброе утро. Надеюсь, я не слишком рано и не побеспокоил вас? – у неизвестного мужчины был приятный бархатный голос профессионального диктора. Или психиатра. Но первый вариант всё же предпочтительней.

– Доброе утро. Нет, что вы, всё в порядке... – я задумалась было, как бы поделкатнее выяснить, кто же мне всё-таки звонит, но собеседник оказался сообразительным и сам прояснил ситуацию.

– Меня зовут Анатолий, и я личный помощник Дмитрия Васильевича.

Ну да, ну да, конечно, как я сама не сообразила. Нет, если я скажу, что совсем не думала о приглашении Беляева на чашку кофе, это будет неправдой, такое из головы выбросить просто невозможно. Но, доедая третье неприлично вкусное пирожное из вчерашней коробки, я практически сумела убедить себя в том, что это была минутная прихоть великого и ужасного Дмитрия Васильевича и что никакой встречи за кофе у нас не будет. Просто потому что этого не может быть никогда. Усталый мозг радостно принял такую версию, и я абсолютно успокоилась. И, как оказалось, напрасно.

– Очень приятно, Анатолий, – максимально вежливо произнесла я.

– И мне очень приятно, – мне показалось, что невидимый собеседник улыбнулся. – Я звоню, чтобы договориться о вашей встрече с Дмитрием Васильевичем. Он сказал, что у вас была предварительная договорённость.

– Ну, как сказать, – мне самой было противно слушать собственные невнятные ответы, и я постаралась взять себя в руки, насколько это возможно. – Дмитрий Васильевич вчера пригласил меня на чашку кофе в первой половине дня, но, я думаю, это совершенно не обязательно, у него ведь дел наверняка много....

– Не в правилах Дмитрия Васильевича отменять назначенные встречи, – строго сказал мой собеседник и чем-то зашуршал. – Он планировал позвонить вам лично, но затянувшееся селекторное совещание не позволило ему это сделать. Поэтому он поручил эту миссию мне. Скажите, пожалуйста, Валерия Андреевна, вам удобно будет встретиться с Дмитрием Васильевичем в лобби-баре отеля «Амбассадор», допустим, в двенадцать часов?

– А почему именно там? – я как-то невольно уже настроилась на какое-нибудь кафе, пусть даже достаточно пафосное, но отель....странно как-то.

– У Дмитрия Васильевича там конференция в тринадцать часов, но вы не переживайте, он отдал распоряжение прислать за вами машину.

– У вас что, и адрес мой есть, не только телефон? – я так растерялась, что даже на возмущение сил не хватило. – Но зачем? И откуда?

– Разумеется, есть, вы же получили вчера вечером презент, – теперь в голосе Анатолия улыбка слышалась очень отчётливо. – Не переживайте вы так, право, Валерия Андреевна, дорогая, Дмитрий Васильевич всегда чрезвычайно внимателен к своим партнёрам и друзьям. Вы скоро привыкнете.

Больше всего мне хотелось потрясти головой и проснуться. Потому что ничем иным, кроме как сном всё происходящее быть просто не могло.

– Ну так как, вы сможете? – бархатный голос беляевского личного помощника вернул меня к действительности. – Я могу сообщить Дмитрию Васильевичу, что мы договорились?

– Да, конечно, – осознание неизбежности встречи становилось всё отчётливее и практически поглотило все остальные чувства. – Только не нужно присылать машину, хорошо? Я прекрасно доберусь на такси.

– Как вам будет угодно, Валерия Андреевна, как вам будет угодно. На этом позвольте попрощаться, хоть и ненадолго. Я найду вас в холле отеля. До встречи.

– До встречи, – почти механически ответила я и нажала кнопку завершения вызова, пока Анатолий не сказал чего-нибудь, чего моя хрупкая психика может уже не вынести.

Потом, по-прежнему не вылезая из-под одеяла, я трясущимися руками набрала Макса и, не успев он снять трубку, сообщила:

– Это ты во всём виноват! Это всё из-за тебя! Если бы не ты, моя жизнь была бы по-прежнему замечательно спокойной!

– Лер, ты чего? – от такого стремительного наезда Макс явно растерялся. – В чём я виноват-то? Ты можешь нормально разговаривать?

– Не могу! У меня вся жизнь из-за тебя наперекосяк... И вообще....

– Так, давай успокойся и излагай по порядку, хорошо? Что у тебя случилось? Муж вернулся?

– Нет, слава богу... У меня случился Беляев Дмитрий Васильевич, который просто Дмитрий, чтоб его....

– Да ладно, чего ты, всё же нормально закончилось... – Макс заметно успокоился, и я сообщила, что он ещё не в курсе последних новостей.

– Да что ты говоришь! А ничего, что он вчера мне позвонил, не успела я домой прийти?

– Да ладно! Гонишь.... Фигли ему тебе звонить? Слушай, а может, он увидел тебя и понял, что ты любовь всей его жизни!

– Дурак! Даже в шутку такого не говори – накаркаешь... – я неторопливо выбралась из-под одеяла и побрела на кухню. – И вообще, он мне пирожных прислал... Представляешь?

– В смысле?

– В прямом... Целую коробку пирожных из «Счастья»... Десять штук... И кофе...

– Зачем?

– Затем что у меня кончились печеньки....

– Неловко спрашивать.... но... откуда Беляев узнал, что у тебя кончились печеньки?

– Я ему сказала, когда он позвонил. Он спросил, что я делала, ну я и ответила, что пила кофе с сыром, потому что у меня закончились печеньки. А он сказал, что это неправильно и прислал мне коробку пирожных... Вот....

– Охренеть... – Макс явно не знал, что сказать в ответ на такие неоднозначные новости. – И как? Вкусные?

– Очень... я три штуки съела вчера.. и сейчас два съем... И пусть мне будет хуже... А ещё мне звонил Анатолий...

– А ... Лер, а Анатолий у нас кто? – любопытство в голосе Макса можно было есть ложками, так его было много.

– Это личный помощник нашего непредсказуемого господина Беляева. Ты его не знаешь?

– Нет, не доводилось. А зачем он звонил?

– Уточнял, смогу ли я встретиться с Дмитрием Васильевичем за чашкой кофе. Сегодня.

– Обалдеть.... Мать, у меня нет слов... Ты идёшь на встречу с Беляевым? Кофе попить? Если матом нельзя, то у меня действительно нет слов... И куда вы идёте?

– Отель «Амбассадор», лобби-бар... Макс, что вообще происходит? Почему я? И вообще... мне даже пойти не в чем, я не знаю, в чём ходят на такие встречи....

– «Амбассадор»... Стильное место... А в чём идти... Лер, ну я не знаю, тебе виднее. Надень что-нибудь в меру деловое, в меру женственное. Ну и бельё... Естественно...

– Макс, какое бельё? Ты в своём уме? Мы кофе пить будем, только кофе...

– Ну конечно, конечно! Но на всякий случай я бы на твоём месте подстраховался. Мало ли что, мало ли как, мало ли с кем... Знаешь, как в рекламе: «Сеалекс! А что? А вдруг?»

– Никаких вдруг! И вообще, у него в час уже какая-то конференция. Так что твои инсинуации не по адресу. И вообще, я пошла собираться.

– Лерунчик, пообещай, что я буду первым, кому ты расскажешь об этой встрече.

– Если будешь себя хорошо вести. А вообще, если честно, Макс, я боюсь... Мне всё это ужасно не нравится.

– Не переживай, всё будет нормально. Вы встречаетесь в людном месте в дневное время, да и Беляев – не глава преступного мира. Наверное...

– Не пугай меня ещё больше, я и так боюсь. Ладно, буду собираться.... – с этими словами я отключилась и пошла варить утренний кофе, есть пирожные и размышлять над внешним видом.

«Амбассадор» встретил меня сиянием мраморных полов, сверкающими в свете хрустальных люстр бежевыми, тоже, разумеется, мраморными, колоннами, едва уловимым запахом кожи и ароматом кофе. Как ни странно, холл оказался местом достаточно оживлённым: вверх и вниз по лестнице сновали люди, в которых по коричневым, бордовым и тёмно-зелёным жилеткам можно было узнать обслуживающий персонал. Впрочем, и остальной публики было более чем достаточно. «Перед кризисом все равны, но некоторые, однозначно, равнее...» – успела подумать я, прежде чем увидела направляющегося ко мне мужчину, который улыбался мне, как лучшей подруге.

– Валерия Андреевна? – этот бархатный голос невозможно было не узнать. – Как вы добрались? Благополучно? Позвольте представиться, Анатолий Казанцев, личный помощник Дмитрия Васильевича.

– Валерия, – мне ничего не оставалось, кроме как пожать протянутую руку. Почему-то мне казалось, что красивый бархатный голос, который я слышала утром, должен принадлежать зрелому солидному мужчине, обязательно с вызывающей доверие внешностью преуспевающего адвоката и непременно в дорогом костюме. Анатолий же вблизи оказался симпатичным молодым человеком максимум лет тридцати, в джинсах и белом джемпере крупной вязки. Очередной разрыв шаблона...

– Очень приятно, – он одарил меня обаятельной белозубой улыбкой и сделал приглашающий жест в сторону широкой лестницы. – Позвольте вашу шубку. Момент...

Он подхватил мою короткую шубу, куда-то исчез, но буквально через несколько секунд материализовался снова, и я успела заметить, как он, одним взглядом скользнув по мне, оценил и свитер из тонкого английского кашемира, и серёжки с небольшими изумрудами, и стильную обувь. Его взгляд на мгновение задержался на достаточно широком обручальном кольце, которое я по привычке всё ещё носила.

– Простите мне мой, может быть, излишне свободный внешний вид, – он виновато улыбнулся, продемонстрировав очаровательные ямочки на щеках, подхватил меня под локоть, и мы неспешно двинулись куда-то в по-купчески роскошные глубины отеля, – но сегодня не планируется никаких серьёзных мероприятий, требующих моего присутствия, и я позволил себе отсутствие делового костюма. Дмитрий Васильевич достаточно демократичен в этих вопросах. Когда вы поработаете с ним хотя бы месяц, вы это оцените, поверьте!

– Когда я что, простите, сделаю? – наверное, если бы Анатолий не поддерживал меня под руку, я бы споткнулась на абсолютно ровном месте. – В смысле – «поработаю»? Я... я не планирую работать с Дмитрием Васильевичем. Вы меня с кем-то путаете, наверное!

– Ну как же... – Анатолий слегка растерялся. – Вы же новый спичрайтер Дмитрия Васильевича. Во всяком случае, именно так он мне сказал, когда утром просил договориться с вами о встрече. Правда, обмолвился, что вы ещё не дали своего окончательного согласия, но это – вопрос времени.

– Ну, то, что я не дала окончательного согласия – это вы очень деликатно выразились, – я старательно пыталась переварить такую, не побоюсь этого слова, сногшибательную новость. – А Дмитрий Васильевич случайно не обмолвился, с чего вдруг такое... внезапное предложение?

– Нет, – Анатолий покачал головой, – он только велел мне лично подготовить для вас рабочее место, а юридическому отделу – составить договор. Да вы у него сами сможете всё уточнить, мы уже пришли.

С этими словами Анатолий по-джентльменски пропустил меня вперёд, и я оказалась в очень стильном и очень дорогом помещении, по всей видимости, в том самом лобби-баре. Количество позолоты, мрамора и красного дерева зашкаливало, давило на психику и заставляло чувствовать себя не слишком уютно. За немногочисленными столиками почти никого не было. Ключевое слово – почти. Ибо за одним из них обнаружился мирно сидящий и листающий какие-то бумаги господин Беляев собственной персоной. Увидев нас, он отложил изуча-

емые документы и окинул меня долгим внимательным взглядом, просканировав от макушки до подошв модных сапожек на шпильке. (Ну да, не по сезону, но я же не пешком, и потом... а покрасоваться?! Я женщина или где?) От этого взгляда мне, признаться, стало немного не по себе. Очень уж он был... мужским, но при этом абсолютно в рамках приличия. Даже вот не знаю, как объяснить: вроде бы и не раздел глазами, но кожа покрылась мурашками, щекам стало жарко, а ладошки слегка вспотели.

И Макс будет мне рассказывать, что мужчина, умеющий так смотреть на едва знакомых женщин, – примерный семьянин и ни разу не был замечен в порочащих, так сказать, связях?! Я, конечно, не Станиславский, но очень хочется закричать «Не верю!». Ну не может он быть правильным и примерным, никак не может! Такому, как он, стоит пальцем поманить, и к нему очередь выстроится. И борьба за место если уж не в беляевском сердце, то хотя бы в его постели, будет нешуточная. При этом я прекрасно понимала, что женщины моего социального статуса и моей внешности в этом чемпионате отпадают еще в четверть финале, а то и в одной шестнадцатой. Впрочем, переживать по этому поводу я совершенно не собиралась, так как Дмитрий Васильевич мне, как говорили в старом мультике, «и даром не нать, и с деньгами не нать!»

– Валерия, вы прекрасно выглядите, – Беляев встал нам навстречу и даже улыбался почти искренне. – Впрочем, я предполагаю, что так вы выглядите всегда. Но у меня ещё будет возможность в этом убедиться...

Произнося этот вежливые и абсолютно ни к чему не обязывающие слова, он лично отодвинул мне стул и жестом пригласил присаживаться, что я и сделала, снова, как всегда в его присутствии, поёживаясь от ощущения исходящей от него силы.

– Благодарю вас, Дмитрий Васильевич, и за комплимент, и за приглашение, – я постаралась тоже соблюсти все каноны вежливости и не ударить в грязь лицом. – Но вот вопрос с возможностью убедиться хотелось бы прояснить. Видимо, какие-то события прошли мимо моего внимания. Не откажетесь меня просветить?

– Из ваших слов я могу сделать вывод, что Анатолий уже сообщил вам о моём предложении, – Беляев кивнул каким-то своим мыслям. – И что вы скажете?

Рядом бесшумно возник официант и ловким движением профессионального фокусника положил передо мной меню в тяжёлой кожаной папке. Я раскрыла её и чуть не поперхнулась воздухом, увидев цены. А с другой стороны, разве это мои проблемы? Выбрав кофе и десерт с каким-то труднопроизносимым названием и мимоходом удивившись тихому исчезновению Анатолия, я снова вернулась к разговору.

– Да, он сказал, что я как бы ваш новый спичрайтер. Но, знаете, Дмитрий Васильевич, было как-то странно узнать о таких глобальных изменениях в собственной карьере от незнакомого человека.

– Неужели вы предполагали, что я лично беседую с каждым потенциальным сотрудником? – в негромком низком голосе Беляева было столько искреннего недоумения, что я почувствовала себя зарвавшейся нахалкой, которая почему-то решила, что находится на особом положении. С какой стати-то? Только потому, что «сам-знаете-кто» в силу минутного каприза прислал коробку с пирожными? Или комплимент сказал? Господи, стыдно-то как!

– Ну что вы, разумеется, я так не думаю, вы человек очень занятой, у вас на это просто не хватило бы времени, даже если бы вдруг возникло такое странное желание, – я постаралась говорить спокойно. Главное – не показать, насколько мне стыдно. Не здесь, не перед этим человеком. Не перед этим ...мужчиной. Наверное, будь Беляев не так неприлично харизматичен, я бы воспринимала всё гораздо спокойнее, но его аура альфа-самца давила и не позволяла забыть о том, что передо мной не просто потенциальный работодатель, а красивый и магнетически привлекательный мужчина.

– Но в вашем случае я изменил своим принципам ... Лера, – Беляев смотрел на меня внимательно и оценивающе. – Я могу по-прежнему так к вам обращаться? У нас ведь совершенно

неформальная встреча, правда? Так вот... Я действительно хочу предложить вам работу. Даже, если быть откровенным, две работы.

– Две? – я уставилась на него во все глаза.

– Две, – он кивнул. – Я ведь правильно понимаю, что в данный конкретный момент у вас нет иных обязательств по трудовым договорам? И в общем-то ничто не мешает вам принять моё предложение? Я прав?

– Это вы сейчас так красиво сказали, что я безработная? – мне стало как-то спокойнее, а может, я просто попривыкла к его присутствию. – И заметьте, я даже уже не спрашиваю, откуда у вас такая информация обо мне. Всё равно ведь не скажете, верно?

– Верно, не скажу, – он слегка улыбнулся. – Так что вы мне ответите? Как вам перспектива карьеры в качестве моего личного спичрайтера? С вашим-то умением склонять числительные...

– Я ведь не должна дать ответ прямо сейчас? Мне же нужно будет понять круг своих обязанностей, прикинуть, справлюсь ли я, ну и прочее. И скажите, а что за вторая работа? Что-нибудь с документацией?

– Нет... Лера... – Беляев внимательно посмотрел на меня. – Это не совсем работа с документами. Вернее, работа совсем не с документами. Точнее, вообще не с документами, и даже как бы не очень работа. Я предлагаю вам стать моей официальной любовницей.

Глава 4

В первую секунду мне показалось, что я ослышалась. Даже не то что показалось, я в этом была полностью уверена. Даже хихикнула про себя: затейливый у меня глюк, прямо «оговорочка по Фрейду». Но, посмотрев на Беляева и правильно оценив его внимательный и совершенно не смеющийся взгляд, я поняла, что он абсолютно серьёзен.

Официант принёс чашки с кофе и десерт, и, пока он виртуозно расставлял всё это на столе, мы настороженно смотрели друг на друга, словно игроки, ожидающие первой подачи соперника. Тем временем юноша пожелал нам приятно провести время (вот как-то сомневаюсь уже) и бесшумно исчез. Беляев всё так же молча, видимо, давая мне время на осознание своего предложения, взял чашку и сделал небольшой глоток. Я к своей не притронулась, так как прекрасно понимала, что всё равно не смогу сделать ни глоточка, только расплескаю дорожный напиток. Беляев откинулся на спинку кресла и слегка приподнял левую бровь, давая понять, что пора бы уже и ответить хоть что-то.

– Хорошая шутка, – осторожно произнесла я, глядя на него через стол. – Отдаю должное вашему своеобразному чувству юмора, Дмитрий Васильевич!

– Да, неплохая, – он согласно кивнул. – Особенно если учесть, что это не шутка, а вполне серьёзное деловое предложение, от которого я бы не советовал вам отказываться, не обдумав его как следует и не взвесив все «за» и «против».

– Согласитесь, это достаточно... – я слегка замялась, подбирая правильное слово, – экстравагантная идея, чтобы дать ответ сразу. Тем более, что я пока совершенно не понимаю некоторых моментов.

– Каких? – мгновенно оживился Беляев, и я поняла, что совершила главную, просто глобальную ошибку: я вступила в переговоры, а значит, готова обсуждать эту, с какой стороны ни посмотри, бредовую мысль. – Озвучьте ваши вопросы, Валерия, и я постараюсь дать на них исчерпывающие ответы. Мне не хотелось бы, чтобы между нами с самого начала возникло недопонимание или недоговорённость. Это неконструктивно, согласитесь.

– А вы, Дмитрий Васильевич, стесняюсь спросить, всегда подходите к выбору любовницы... конструктивно? И расцениваете эти... ммм... отношения именно как рабочие? Типа "начальник-подчинённый"? Простите, но это уже какие-то ролевые игры, а я в них не играю.

– Не спешите, Валерия. Вы сказали, что у вас есть вопросы по ряду моментов. Давайте их проясним, а потом уже вернёмся к теме... ролевых игр... – на последних словах его голос

приобрёл какую-то настолько интимную интонацию, что я невольно отодвинулась подальше. Мало ли, что этому странному мужчине в голову взбредёт. – Итак, что вас интересует?

Я наконец-то добралась до своего кофе, сделала глоток и поняла, что он уже порядком остыл. Заметив это, Беляев сделал едва заметный жест, и буквально через минуту чашку с остывшим кофе сменила новая, дымящаяся. Вот как он это так делает? С недавних пор мне стало казаться, что у некоторых людей есть в наличии некий тайный ген, который отвечает за умение распоряжаться другими, за умение отдавать приказы иногда лишь движением брови или взглядом. Я так не умею и никогда, скорее всего, не научусь. Да оно мне, в общем-то, и не надо.

Собравшись с мыслями, я посмотрела на своего непостижимого собеседника и медленно, взвешивая каждое слово, проговорила:

– Во-первых, зачем? Во-вторых, почему я? В-третьих, как надолго и что потом?

– Хорошие вопросы, – кивнул Беляев. – Правильные. Конкретные. Я действительно в вас не ошибся, Валерия. Я отвечу по порядку, хорошо? Итак, зачем мне это нужно. Не буду обманывать вас и говорить о том, что в моём сердце внезапно вспыхнула плохо контролируемая страсть. (На этом месте почему-то стало очень обидно...) Мне действительно нужна женщина, которая станет моей официальной любовницей, фавориткой, если это слово вам больше нравится. (Ну да, точно, «просто – царь»...) Она иногда будет появляться со мной на неофициальных мероприятиях, в ресторанах, составлять мне компанию в поездках или на отдыхе, давать возможность репортёрам сделать так необходимые им «компрометирующие» снимки. Пока всё понятно?

Я только молча кивнула, и он продолжил всё тем же спокойным, деловым тоном:

– У меня достаточно серьёзный бизнес, Валерия, и сеть клиник, поверьте, не самый главный источник моего финансового благополучия, хотя и один из основных. Но в последнее время, как сообщают мне стопроцентно достоверные источники, значительно возрос интерес именно к моей не очень скромной персоне. Причём интересуются в основном моей личной жизнью, были откровенные попытки накопать на меня пикантный компромат. Я, как вы совершенно справедливо можете предположить, далеко не безгрешен, и меня совершенно не привлекает перспектива расследования моих маленьких частных секретов. Поэтому я решил дать этим «сыщикам» пищу для размышлений. Я позволю им застать меня с любовницей. И потом планирую регулярно подогревать интерес к этой теме. Как говорится, «не можешь ликвидировать – возглавь». Это в очень и очень общих чертах. Потому что подробности вам, если мы не договоримся, ни к чему. Я ответил на ваш первый вопрос?

– Да, вполне, – я ошарашенно покачала головой. – Да уж, «тяжела и неказиста жизнь народного артиста», в смысле – бизнесмена. На что только ни приходится идти!

– Второй вопрос: почему именно вы... – Беляев задумчиво посмотрел на меня и вдруг спросил. – Что бы вы сказали, Валерия, если бы я сейчас предложил вам поднять со мной в номер?

– Что?? Дмитрий Васильевич, вы что себе позволяете? – я даже растерялась, потому что вот такого вопроса совершенно не ожидала. – Мне кажется, я не давала вам повода... так думать обо мне. Хотя не сомневаюсь, желающие нашлись бы...

– Я вам нравлюсь? Не думайте, отвечайте быстро: да или нет?

– Да, – ляпнула я, не успев подумать и придержать язык, слишком уж повелительным был его тон, а я к такому как-то не привыкла – вот и растерялась. И в растерянности брякнула правду. – Ну вот... Нельзя так с девушками... Мы существа ранимые...

Беляев с огромным сомнением посмотрел на такую ранимую меня, но от комментариев благоразумно воздержался и продолжал:

– Ну что делать, если иначе от вас правды не добиться. Но сейчас не об этом. Мы выяснили главное: я вам нравлюсь.

– Ещё сделайте вид, что удивлены этим, – вполголоса проворчала я, всё ещё злясь на саму себя за излишнюю и уж точно никому не нужную откровенность. Вот правду говорят: язык мой – враг мой.

– Теперь давайте проясним второй беспокоящий вас момент: почему именно вы. Знаете, Валерия, мысль, которую я сегодня вам озвучил, появилась не вчера и даже не позавчера. Она формулировалась и обсуждалась не один раз, но мне как-то не встречалась женщина, которую я видел бы в этой роли. И вот вчера – вы, с вашими забавными замечаниями и отчаянной не то смелостью, не то наглостью, не то смешной уверенностью в себе. Признаюсь вам откровенно – это очаровательный коктейль! К тому же вы привлекательная молодая женщина, умеющая себя вести в обществе, с вами не стыдно появиться в приличном месте. К тому же вы умны, а у меня, уж простите мне эту интимную подробность, основная эрогенная зона – мозг. Ну вот не привлекают меня дуры, даже очень и очень хорошенькие... А когда я узнал, что вы недавно... стали свободны, я уже не сомневался. Вы мне нравитесь, Лера. И я повторяю своё предложение.

– Спасибо, – ошарашенно проговорила я, пытаясь в максимально короткие сроки осмыслить свалившуюся на меня информацию. – Но ведь вы же... вы же... вы же меня... не любите. Как же... Нет, я понимаю, любовь – это совсем другое. Но ведь нужно же испытывать не только... в смысле – надо не просто нравиться, надо... не знаю... хотеть, что ли...

– А почему вы решили, что я не хочу? – в голосе Беляева проскользнули низкие, вибрирующие и какие-то опасные для моей уже и без того перегруженной психики нотки. – Лера... Судя по тому, как протекает наша беседа, ваше согласие – вопрос времени. Давайте я слегка простимулирую ваш мыслительный процесс.

С этими словами он взял из стопки листков, которые отложил при нашем с Анатолием появлении, верхний, быстро пробежал его глазами и протянул мне. Это была страница из стандартного трудового договора, отличавшаяся от виденных мною ранее лишь примечаниями и суммой заработной платы. Я поморгала, всмотрелась и подняла на довольного Беляева растерянный взгляд.

– Скажите, Дмитрий Васильевич, вот эта сумма – это что?

– Это, Лера, ваша заработная плата. Премияльные выплачиваются отдельно. Вас устраивает?

– Хотела бы ответить «да», но... знаете, – я, отложив договор, задумчиво крутила в руках ложечку и никак не могла оставить её в покое. С детства так – когда нервничаю, обязательно что-нибудь в руках кручу. – Я чувствую себя... предметом, вещь, которую покупают по необходимости, и вопрос лишь в цене. Вещь-то не особо дорогая и не слишком нужная. Просто так получилось, что именно сейчас она необходима. А так – пройдёт надобность и уберут на дальнюю полку. Я, наверное, очень непонятно выражаюсь, да?

– Ну почему же... – Беляев задумчиво рассматривал меня. – Вы снова смогли меня удивить, Лера. Подавляющее большинство на вашем месте уже искали бы место, где можно поскорее поставить подпись, пока работодатель не передумал. А вас волнуют какие-то моральные аспекты. Забавно... И, знаете, почему-то мне кажется, что наше сотрудничество принесёт пользу не только мне. И я имею в виду не только и не столько зарплату, сколько те полезные и перспективные знакомства, которые вы сможете завязать за время нашей совместной работы.

– Скажите, Дмитрий Васильевич, а моя роль, она предполагает... – тут я окончательно смутилась, так как вопрос задать надо было, а вот как это сделать – тут уже... – Скажите, наше сотрудничество предполагает сексуальные отношения?

– А вот это, Лера, будет только если вы сами этого захотите, и никак иначе, – этот гад откровенно наслаждался моим смущением, – но я почти уверен, что и здесь мы придём к консенсусу. Ну так каким же будет ваш ответ?

– А можно мне испытательный срок?

– Испытательный срок? Зачем? И что мы будем испытывать? – он неожиданно перегнулся через стол и взял в ладони мою руку. Жест получился каким-то очень личным, почти интимным. – Лера, я уверен, что всё будет прекрасно, но если вам так будет спокойнее, то давайте установим этот ваш испытательный срок, скажем, на три недели. Если вы поймёте, что это – не ваше, что я вам неприятен как начальник и не привлекаю вас как мужчина, я не буду препятствовать и отпущу вас. Так годится?

Я кивнула, обратив внимание на то, что двое мужчин, только что вошедших в бар, заметили, как Беляев взял меня за руку, и что-то теперь оживлённо обсуждали. Я взглянула в кристально честные светло-серые глаза моего нового начальника и тихо прошипела:

– Вы это нарочно, Дмитрий Васильевич! Вы хотели, чтобы они увидели, как вы тут меня за руки хватаете. Ну как вам не стыдно!

– Мне? Мне очень стыдно, Лера, честное пионерское! – он засмеялся, не выпуская из рук мою нервно подрагивающую ладошку. – И привыкай обращаться ко мне по имени, хорошо? Дмитрий, а ещё лучше – Дима.

– Нет, я не смогу, не сегодня, – я отчаянно замотала головой, – Это уже слишком для бедной маленькой меня!

– Ну хорошо, но привыкай, ладно? И, естественно, на «ты», да, Лерочка?

Господи, во что же я вляпалась??

Тем временем Беляев выпустил мою руку и, снова став очень серьёзным, сказал, глядя мне в глаза:

– Лера, давай я ещё кое-что проясню. Тебе ничего не нужно делать специально, поверь: я всё сделаю сам.

При этих словах я нервно хихикнула: именно эти слова в любимых мною дамских романах говорили брутальные мачо своим возлюбленным, планируя лишить их невинности. Брутальный мачо в наличии имелся, а вот со всем остальным наблюдалась явная напряжённость. Дмитрий Васильевич причин моего хихиканья, к счастью, не понял и лишь удивлённо заломил бровь. Но ничего не спросил, заработав, определённо, плюсик к карме.

– Так вот, – продолжил он после небольшой паузы. – Тебе не придётся что-то специально делать или придумывать. Просто позволь мне начать за тобой ухаживать. Я умею, честное слово. Никто не удивится, так как многие были свидетелями нашего с тобой вчерашнего незабываемого знакомства. И то, что я решил приударить за понравившейся мне умной женщиной, будет выглядеть совершенно естественно. Просто, если я вдруг сделаю что-то для тебя неожиданное, не шипи разъярённой кошкой, что «мы так не договаривались», ладно?

– Надо же... – я снова принялась мучить многострадальную кофейную ложечку, – а мне говорили, что вы исключительно честный семьянин и ни разу не были замечены с ... посторонними женщинами. Разве не будет странным, что вы вдруг изменили свою позицию по данному вопросу? Не боитесь разрушить положительный имидж?

– А обо мне так говорят? – Беляев довольно улыбнулся. – Значит, так и есть. Люди, они же всегда всё знают, про интернет я даже не говорю. А насчёт имиджа... может быть, как раз сейчас самое время его сменить? Как думаешь?

– Вот уж не знаю, – я пожала плечами, показывая, что беляевский имидж мне в общем-то, если разобраться, до лампочки. – А что, положительный образ уже жмёт в плечах?

– Есть немного, – он как-то неожиданно по-хулигански ухмыльнулся, моментально помолодев лет на десять. Интересно, кстати, а сколько ему лет? На вид около сорока, но современная косметология творит чудеса. А вдруг ему уже пятьдесят или больше? Хотя вряд ли: волосы тёмные, но седины не видно, морщин практически нет, так... «гусиные лапки» вокруг глаз. Нет, ну не пятьдесят, нет! Не то чтобы это имело какое-то принципиальное значение, но просто интересно. – О чём ты задумалась, так внимательно на меня глядя?

– А сколько вам лет? – неожиданно для самой себя спросила я вдруг, но тут же покраснела и обругала себя последними словами. Мало того, что это в принципе некорректный вопрос, так ещё надо думать, кому можно задавать такие вопросы, а кому не стоит... для спокойствия и сохранения нервов. – Простите, ради бога. Это я от растерянности. И от нервов. И от вашего предложения. И от... От всего, в общем.

– Для тебя это имеет значение? – Дмитрий Васильевич слегка нахмурился, и я про себя тут же решила: точно, как минимум пятьдесят. Иначе чего бы ему напрягаться?

– Не особенно, просто, когда вы улыбнулись, то резко помолодели, вот я и задумалась, – честно призналась я, не видя смысла увиливать от ответа. Тем более обманывать. Это вообще очень непростая штука – грамотно врать. Всегда можно забыть, чего напридумывал, и оказаться в дурацком положении.

– Мне сорок три, и я очень надеюсь, что тебя это не смутит, – мне показалось, или Беляева действительно беспокоил этот момент? – Я назвал не слишком ужасную цифру? Лера, считается, что для мужчины это самый расцвет умственной и, хм, физической формы.

– Нет, конечно, – я облегчённо перевела дух и махнула рукой, – совершенно нормальная цифра. И потом – даже если бы было больше, мне же вас не варить... Так что цветите себе на здоровье!

Беляев нахмурился, помолчал, а потом расхохотался, так искренне и заразительно, что я не могла не улыбнуться в ответ.

– Ох, Лера, я чувствую, что проведённое с тобой время будет гораздо более захватывающим, чем я мог предположить, – он вытер выступившие от смеха слёзы и вдруг неуловимо напрягся. Нет, улыбка по-прежнему сверкала, поза оставалась расслабленной, но что-то изменилось. Может быть, взгляд, из которого исчезли смешинки, может быть, скулы обозначились чётче – не знаю, очень сложно объяснить. Но я не удивилась, когда в поле моего зрения появился один из недавно вошедших в бар мужчин, тех самых, что обратили на нас внимание. Вы когда-нибудь видели викингов? Нет? Я до этих пор тоже.

– Дмитрий Васильевич, приветствую! – проговорил он, протягивая Беляеву руку, которую тот пожал, поднявшись из кресла навстречу подошедшему. – Так и надеялся, что перед конференцией застану тебя здесь. Надеялся перекинуться парой слов, но не предполагал, что ты будешь в компании, да ещё и с прекрасной незнакомкой. Не представишь нас?

– Разумеется, – в голосе Дмитрия Васильевича было столько льда, что вполне хватило бы на небольшую локальную Арктику. – Валерия Андреевна Одинцова, пока просто мой спичрайтер, а в перспективе – редактор «Тетриса».

Я вежливо кивнула, стараясь, по выражению Макса, сделать умное лицо и не показать, что очень удивлена появлением в своей карьере очередной внезапной должности. Беляев тем временем продолжал:

– Герман Янович Верзиныш – наш партнёр из замечательного города Риги.

Рижский гость облобызал мне ручку и попросил позволения присесть. Разумеется, ему позволили. Сказать, что я чувствовала себя неуверенно, – это не сказать ничего.

– Не знал, что тебе нужен спичрайтер. Или слухи не врут, и ты собираешься активизироваться в политике? Дело, конечно, твоё, но подумай.хлопотно, и не всегда оправданные риски. Хотя, пожалуй, в любом случае от такого симпатичного помощника и я не отказался бы, – он по-свойски и как-то слегка похабно подмигнул Беляеву, улыбка которого стала ещё лучезарнее, если такое вообще возможно.

– Насчёт своих планов я, пожалуй, промолчу, а то знаю я: тебе палец в рот не клади – по локоть руку отхватишь! Шустрая нынче молодёжь пошла! – и Дмитрий Васильевич вроде как одобрительно и слегка покровительственно похлопал нежданного гостя по плечу, и того аж перекосило от пока не очень понятных мне эмоций. И вообще я чувствовала себя, как маленький котёнок, внезапно оказавшийся между двумя рычащими и скалящими друг на друга

зубы тиграми. Хотелось съёжиться и, тихо пятась и подрагивая хвостиком, убраться с арены боевых действий. А то ведь эти оба – затопчут и даже не заметят. Интересно, какая кошка (и что это меня сегодня потянуло на семейство кошачьих?) между ними пробежала? Хотя нет, не интересно, ибо такие знания мне ни к чему – меньше знаешь, крепче спишь. В моём случае это очень своевременная мысль, как мне кажется! Поэтому делаю нейтральное лицо и срочно придумываю причину для побега.

– Валерия Андреевна, вы, видимо, журналист? – вдруг обратил на меня внимание викинг. – Я никогда не имел удовольствия общаться с людьми вашей ... древнейшей профессии, – тут он снова как-то масляно ухмыльнулся, и я поняла, что вот конкретно этот мужчина мне активно не нравится, несмотря на его несомненную внешнюю привлекательность, – это, наверное, очень непросто – написать речь, это ведь нужно прекрасно разбираться в теме. Ну и языком нужно владеть мастерски, – и очередная двусмысленная усмешка.

– А у меня с языком всё в абсолютном порядке, – улыбаясь, вернула я ему более чем прозрачный намёк, чувствуя, как внутри поднимается волна злости, – у меня были прекрасные учителя, знаете ли. Научили владеть им практически в совершенстве, представляете? Особенно в области ... числительных. Правда, Дмитрий Васильевич?

– Несомненно, – Беляев откровенно забавлялся, – особенно Валерии удаются сложение и умножение, – доверительно сообщил он слегка зависшему прибалтийскому гостю, который явно не понимал причин веселья собеседника. Знаете, как бывает, когда в компании двое перебрасываются понятными только им двоим шутками, а остальные чувствуют себя «не в теме».

– И ещё проценты, – картинно возмутилась я, – вы забыли про проценты, Дмитрий Васильевич!

– Какие у вас интересные ... служебные взаимоотношения, – прокомментировал наконец-то очнувшийся викинг. – А могу я вас попросить о паре уроков, Валерия? Знаете, иногда я делаю ошибки, всё же русский язык для меня не родной, и мне очень пригодилась бы помощь опытного специалиста в области ... языка.

– А вот с этими вопросами, пожалуйста, обращайтесь к моему непосредственному руководству, – я подчёркнуто нежно посмотрела на довольно скалящегося Беляева, – моим рабочим временем распоряжается исключительно Дмитрий Васильевич.

– Обломись, Герман, – Беляев, смеясь, развёл руками, – не могу и не хочу. Рабочее время Валерии Андреевны принадлежит исключительно мне. У меня на него, так сказать, эксклюзивные права.

– А нерабочее время кому принадлежит? – тут же ухватился за нюанс формулировки рижский мачо, – по всей вероятности, супругу очаровательной Валерии? Можно я буду обращаться к вам так? У нас, как вы наверняка знаете, не приняты отчества, да и ни к чему подобные формальности столь юной особе.

– Конечно, – кивнула я, – в неофициальной обстановке можно Валерия. Просто Валерия, – тут я перевела смеющийся взгляд на ехидно приподнявшего бровь Беляева. – А что касается моего нерабочего времени, то пусть это останется моей маленькой тайной, хорошо? А теперь позвольте мне вас покинуть, господа. Вам наверняка нужно пообщаться без посторонних. Да и меня дела ждут не дождутся. Чрезвычайно рада знакомству, Герман Янович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.